

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ, РЕФЕРАТЫ

**RUBLE B.A.
SECOND METROPOLIS: PRAGMATIC PLURALISM IN
GUILDED AGE CHICAGO, SILVER AGE MOSCOW,
AND MEIJI OSAKA. CAMBRIDGE: WOODROW
WILSON CENTER PRESS; CAMBRIDGE UNIVERSITY
PRESS, 2001. 464 p.**

Книга Блэра Рубла — уже третья, повествующая о «судьбе провинциальных российских городов». Первая, «Ленинград: Формирование советского города» (1990), была посвящена превращению некогда имперской столицы в региональный центр, вторая — «Песнь денег: изменение организации городского пространства в постсоветском Ярославле» (1995) — отражает неоднозначность времени, последовавшего за крахом советского режима. Рецензируемая книга дает сравнительный анализ трех городов, игравших, по мнению автора, сходные функции в своих странах в период модернизации рубежа XIX–XX веков. Сравнение, даже нестрогое, насыщает рецензируемое исследование теоретическими импликациями и позволяет по-новому увидеть особенности формирования и жизнедеятельности российских городов. Некоторые предварительные материалы в виде статей были опубликованы на русском языке¹.

Хронологически книга охватывает примерно полувековой период с 1870 по 1920 гг. В 1860-е годы в США, России и Японии были проведены серьезные политические реформы, открывшие дорогу назревшим социально-экономическим изменениям. Их главным итогом было становление новых национальных экономик, приведшее к массовому банкротству замкнутые на местные рынки производства. Во всех трех странах этот процесс сопровождался развитием «вторых» городов — Чикаго, Москвы и Осаки. Особенность «второго города» заключалась в том, что он мог сравниваться со столицей и в чем-то даже претендовать на главенствующее положение по всем показателям, кроме одного: быть политическим центром страны.

¹ См.: Человек. 1996. № 1. С. 52–67; Московский журнал. 1992. С. 12–15; США: Экономика, политика, идеология. 1990. № 4. С. 68–76.

Именно это открывало возможность для «естественного» появления новых форм социальной жизни: недогляд начальства лишал преимуществ финансовой опеки и одновременно оставлял простор для частного интереса и конкуренции, что выработало привычку у предпринимателей обходиться без политической поддержки и опираться на «собственные силы». Иными словами, в мегаполисах образовывалось относительно автономное от национального государства гражданское общество, которое подрывало местнический партикуляризм. Это дает автору основание утверждать, что во всех трех случаях мегаполисы складывались во враждебном социокультурном окружении (р. 357)*. Экономическое развитие вторых городов сопровождалось бурным ростом их населения и усложнением социальной структуры. В период с 1870 по 1920 гг. население Чикаго увеличилось примерно с 500 до 3400 тыс., Москвы — с 600 до 2000 тыс., Осаки — с 350 до 2200 тыс. человек. Приток населения, в свою очередь, обеспечивал развитие промышленной, торговой, транспортной и технологической революций (р. 5).

Возможно ли сравнение? Автор поддерживает тезис о множественности России, о сосуществовании на рубеже XIX и XX веков России городской и деревенской, космополитической и почвеннической, рыночно-ориентированной и феодальной и т. п. и подчеркивает невозможность единой схемы, объясняющей происходившие события в разных «Россиях». Мысль о фрагментации, сегментации, разобщенности России автор подкрепляет метафорой из А.И. Солженицына: множество архипелагов с перекрещивающимися, взаимоисключающими друг друга историческими тенденциями.

Б. Рубл согласен с тем, что Россия — страна особая и уникальная. В отличие от Европы и Америки к моменту модернизации начала XX века в России не сложился средний класс из некрупных производителей-собственников и независимых от государства профессионалов, призванный обеспечивать социально-экономическую и политическую стабильность общества. В целом, не сложился независимый частный сектор, даже настоящих городов в России не было (р. 4). Под «настоящим» понимается «западноевропейский» образец города в противоположность «восточному», на различии которых настаивал еще М. Вебер. Здесь может возникнуть подозрение в приверженности логике обязательного линейного развития с ярлыками «продвинутости» и «отсталости». Однако автор начеку: нельзя описывать Россию по чужим — европейским и американским — стандартам (р. 4).

Б. Рубл на протяжении всей книги соблюдает научную корректность (или даже диалектичность) при сравнении показателей «развитости», которые трудно однозначно выразить в количественной фор-

* Здесь и далее в круглых скобках указаны страницы рецензируемого издания.

ме. Так, например, он пишет, что профессионалы в царской России были в своем большинстве государственными служащими (бюджетниками), следовательно, материально зависимыми, а значит, при стереотипном истолковании, подневольными, социально пассивными и т. п. Однако Б. Рубл полагает, что статус государственных служащих мог способствовать активному участию представителей интеллигенции в организации социальных обследований российского общества и реформаторских начинаниях (р. 364).

Конечно, Россия — страна особая и уникальная. Эта уникальность роднит ее со всяким сложившимся обществом и всякой сложившейся культурой. Автор характеризует свой труд как попытку «расширить понимание того, что делало Россию исключительной, за счет редукции к тем измерениям, по которым Россия не слишком отличается от заграничного мира» (р. 2).

Фрагментация (разобщенность) как фактор перехода к новой социальной организации. Ключевая фраза, в которой выражены теоретические основания рецензируемого исследования: «В книге придается большое значение тому, насколько сильно социальная фрагментация — часто рассматриваемая как препятствие на пути демократического развития — благоприятствует так называемому прагматическому плюрализму тем, что закрывает доступ к неограниченной власти какой-либо одной группе. Показывается, что при фрагментации — в сочетании с некоторым уровнем накопления капиталов, с отсутствием *de jure* и *de facto* централизованного контроля, с резким социально-экономическим переходом и прагматическим лидерством ключевых местных элит — могут установиться необходимые условия для плюралистичной публичной политики» (р. 6). Очевидно, автор придерживается либеральной модели перехода к либеральному обществу (*laissez-faire*, что противостоит идее построения либерального общества нелиберальными методами). К необходимым для прагматического плюрализма факторам — социальной разобщенности, наличию местных капиталов, даже небольших, распыленности (политической власти и прагматизму местных элит — автор добавляет резкий приток населения и экономический рост (р. X), «пограничное» положение мегаполиса между развитыми и неразвитыми территориями, природные возможности для межрегионального и международного торгового обмена, условия для инновационного развития (р. 24).

Резкий приток населения и бурное экономическое развитие городов приводят к усложнению социальной структуры как по вертикали (в стратификационном), так и по горизонтали (в социокультурном измерении). Этот тезис содержит указание на внешний (иммиграция) и внутренний (экономический переход) факторы, которые, конечно же, можно различать лишь аналитически. Важно подчеркнуть, что социально-экономический переход (на языке советского марксизма — скачок) и иммиграция усиливают друг друга.

Эти факторы оказываются значимыми не только внутри возможных каузальных объяснительных схем; их соотношение определяет успешность конституирования гражданского, прежде всего, городского общества. Господство социально-классовых идентификаций приводит к вертикальной поляризации; господство этнических и местных идентификаций приводит к социокультурной поляризации. Только формирование «гражданского сознания как преодоление и снятие групповой идентичности» уравнивает деструктивные тенденции (р. 9). Возникают вопросы о том, может ли переход к новой социальной организации произойти исключительно за счет интенсивной внутренней дифференциации автохтонных социальных структур, насколько необходим для него взрывной количественный рост населения, должен ли количественный рост основываться обязательно на привносимой извне качественной (социокультурной) гетерогенности и т. п.

Объективным основанием для формирования гражданской идентичности является неспособность ни одной из групп занять господствующее положение в мегаполисе ввиду его беспрецедентно огромных размеров и беспрецедентной сложности (дифференцированности). «Социальные группы этих новых гигантских городов вынуждены были тщательно выбирать свои зоны размещения ради защиты своих интересов только в тех сферах, которые действительно касались их выживания и благополучия. Занялась новая эра городского плюрализма, она низвергла прежнее понимание власти и политической эффективности местного и национального уровня» (р. 9). Таким образом, речь идет не столько о рождении гражданского общества из небытия, сколько о переходе от (конструируемого) прямого участия в простом и малом по размеру сообществе к (конструируемому) опосредствованному участию в виртуальном, эмпирически полностью не известном ни для кого из его членов «большом» обществе.

Новое понимание «власти и политической эффективности» напоминает нам о том, что малые размеры полисов не уберегали их от тирании и политической гегемонии, подавлявшей искомый автором плюрализм. Гигантские размеры мегаполисов открыли возможность для качественно нового плюрализма, однако старые элиты-гегемоны должны были терпеть поражение и утратить возможности отстаивать свои привилегии политико-правовыми методами (р. 24). Для ключевых элит существовало два варианта: либо при количественном увеличении консервировать качественное разнообразие социального организма, либо осваивать новые технологии экономического успеха и социального управления, что, по мысли автора, должно автоматически приводить к демократизации.

Удаленные от бдительного столичного ока «вторые города» суть продукты отделенной от властного центра, частной коммерческой деятельности, а не результат утверждения государственной власти. В

рыночной стихии доминирует компромисс, а не командно-политическое господство (р. 15). Конечно, связанность с государством дает гарантии стабильности для капитала, например, банковского. Автор со ссылкой на российский источник указывает, что московские банки постоянно лихорадило, тогда как столичные Санкт-петербургские благодаря правительственным счетам занимали устойчивые позиции [1]. Однако экономический патернализм государства оборачивается слабостью институтов гражданского общества. Классическим примером разделения государства и бизнеса, вслед за рядом авторов [2], Б. Рубл считает доиндустриальный Лондон, в котором деловой Сити был абсолютно независим от Уайт Холла. Сам Сити «базировался на мотиве, столь редко признававшемся достойным на протяжении всей истории человеческих обществ и ранее никогда не возносившемся до уровня оправдания действия и поведения в повседневной жизни — на стремлении к наживе» [3]. Рассматриваемые города автор отнес к ведущим центрам своего времени, где присутствовал указанный К. Поланьи уникальный мотив (р. 16).

Б. Рубл акцентирует внимание на торговле потребительскими товарами легкой и пищевой промышленности, производство которых характеризуется относительно низкой капиталоемкостью и быстрой оборачиваемостью капитала — идеальными отраслями для частного предпринимательства, — и ничего не говорит об отраслях, нуждающихся в больших объемах долгосрочного кредитования и государственных (политических и непосредственно силовых) гарантиях.

В книге уделяется внимание роли инновационных политических институтов в успешном переходе к новой социальной организации. Одно из новшеств политического порядка мегаполисов заключалось в том, что самые богатые и статусные граждане уклонялись от прямого участия в местной политике и для сохранения своего господствующего положения должны были прибегать к посредникам. Опосредующим звеном между экономическими элитами и диверсифицированными массами в США рубежа XIX–XX веков, по наблюдению М. Острогорского, служили политические боссы и контролируемые ими партии. В логике жесткой модели управления такую ситуацию можно описывать, как «верхи не могут» (Ленин), или как «бессилие всевластия» (Рубл) (р. 13–14). В гибкой модели управления, допускающей сложный политический ландшафт, диверсифицированность и относительную автономность экономических субъектов от политической вертикали (р. 15), это можно трактовать как контролируемое сверху разделение труда.

Автор избегает того, что можно было бы назвать институциональным фетишизмом. Чикагским партиям и политическим боссам не было аналогов ни в России (по крайней мере до 1905 г.), ни в Японии. В Чикаго электоральная ситуация рассматриваемого периода мало напоминает современную, поскольку право голоса имели только *ме-*

стные белые мужчины. Остальное «население» могло «самоорганизовываться во вневыборной (extra-election) деятельности»: через занятие бизнесом, участие в профсоюзах, общественных организациях и инициативах; иными словами, «создавать почву для плюрализма не институционально» (р. 25-28). В Осаке центрами муниципальной политики, где формировалась культура достижения групповых интересов до 1910-х годов, были аналоги окружных комитетов по народному образованию (р. 123-125). Следовательно, ростки политического плюрализма следует искать не только в политических институтах. Повествовательный характер текста (stories-telling) вытекает из установки автора на историко-политическую эссеистику: писать не о распределении власти *per se*, не об интернализированных ценностях, мыслях и чувствах людей, а сосредоточиться на внешнем поведении политически значимых фигур: «Формирование любой коалиции будет здесь достаточным аргументом, даже если этот альянс не изменил того, что было в сердцах и мыслях его участников» (р. 7).

Был ли в Москве плюрализм? Б. Рубл сознательно идет наперекор многим историкам российских городов², постулирующим неустойчивость гражданского (городского) сознания и структурную примитивность сферы публичных решений, подчеркивающим либо постоянную обостренность классового конфликта, либо неспособность местных лидеров к нахождению компромиссов в проведении гражданских реформ. Он настаивает на том, что в исследуемый период гражданское и классовое сознание «конкурировали не только внутри городского общества, но также внутри каждого отдельного городского жителя. Российские горожане несли множество идентичностей и определяли себя множеством таких различных характеристик как класс, регион, гендер, религия, этничность, старожильчество (hometown) и соседство в зависимости от складывавшихся на текущий момент обстоятельств» (р. 3).

Слабость этой аргументации заключается в том, что автор изменяет самому себе: от наблюдаемого в поведении плюрализма он переходит в субъективную область групповых идентификаций. Повидимому, чувствуя эту слабость, Б. Рубл приводит еще один аргумент, который, на первый взгляд, может показаться странным. Он пишет о том, что российское самодержавие само способствовало плюрализации общества: усиливало разобщенность в обществе, чтобы не допустить прихода к власти новых людей, не входивших в придворные круги. Политика была направлена, во-первых, на затруднение экономической и политической самоорганизации и эмансипации общественно активных социальных групп, и во-вторых, на поддержание умеренного конфликта между этими группами. Такая политика

² Следует отметить, что в книге собрана обширная библиография по истории российского города.

приводила к стагнации общества и к разрушению того социального порядка, который власть как раз и пыталась продлить. В конце концов затянувшийся конфликт между «новыми» и «старыми» элитами привел к системному краху, до которого, по крайней мере, в Москве, пробивались ростки гражданского общества, зарождалась культура межгрупповой кооперации и компромисса. Эта аргументация завершается утверждением о дисперсности московской власти и о наличии межгрупповой борьбы за власть (р. 6-7): «...Самый могущественный москвич — как в Чикаго и Осаке — не всегда мог заставить делать других то, что они ни за что бы не стали делать сами» (р. 7). Здесь можно видеть вынужденное отступление от авторской идеи. Становление плюрализма в Чикаго рисуется по идеальной модели рынка, где ни один игрок не имеет серьезных преимуществ перед другими участниками и все стремятся к максимизации исчисляемой выгоды для себя. Обращаясь к российскому материалу, плюрализм приходится обнаруживать в поле, где сильный игрок старается сломать саму игру тем, что преследует не экономические, а, прежде всего, властные цели и, таким образом, производит ценностно-рациональные действия вместо целерациональных.

Суть прагматического плюрализма заключается в стремлении извлекать выгоду из контактов даже с теми людьми, которые вызывают личное отвращение (*loathsome*). Здесь нет места заботе об общине, которая является исключаяющей формой социальной организации, предполагающей нетерпимое отношение к не-членам. В большом обществе мегаполиса господствуют вынужденная толерантность к «посторонним» (их уничтожение или исключение может оказаться себе дороже), соревновательность и сотрудничество. Стратегии унификации и поддержания конфликта оказываются не эффективными. В пространстве мегаполиса ни одна группа не может без большого риска для себя претендовать на господство во всех аспектах жизни: приходится концентрироваться на принципиально важных с точки зрения (постоянно меняющейся, актуальной) групповой идентичности. Для успеха в мегаполисе нужно стремиться не к простому обмену, не к сохранению *status quo*, а к такой политической игре, где исход превышает для участников нулевой баланс. Для этого и необходимо искать наиболее выгодные, пусть временные коалиции с другими игроками (р. 20-21). Остается ли кто-нибудь в проигрыше? По-видимому, проигрывают те, кто не играет или оказывается вне игры. Прагматический плюрализм тривиализирует всякую ценностную проблему, превращает граждан в потребителей. Индивиды и местные сообщества в целом если и не ощущают прямой выгоды, то, по крайней мере, теряют меньше, чем при других режимах (р. 173). По мысли автора, в социальной среде мегаполиса разрушается пирамидальное распределение населения по доходам и власти, так как все более важную роль приобретает экспертиза и способность к координации гетерогенных

акторов. Таким образом, развитие противоречий капитализма ведет к демократизации общества (р. 19).

Выбранные три мегаполиса 1870–1920 гг. названы архетипами открытого общества (р. 103). Можно сказать, вслед за автором, что книга «исследует (explores) значение политики прагматического плюрализма в Чикаго, Москве и Осаке путем сравнения методов улаживания политических разногласий» (р. 34). Но можно сказать, что она иллюстрирует собственные теоретические послышки посредством перекрещивающихся в одной точке — в которой находится предмет исследования — различных нарративов.

Три главы **первой**, вводной по своему содержанию, **части** дают краткий обзор истории городов. Нельзя сказать, что главы скомпонованы по единому плану. Содержание составляющих их фрагментов скорее отражает актуальный тематический дискурс специалистов-историков, выбранных автором для цитирования. Например, автор несколько раз квалифицирует пример Москвы как промежуточный между Чикаго и Осакой. Однако цитируемые «японские» источники больше внимания уделяют освещению тех подробностей японской жизни, которые фиксируют автохтонное происхождение базовых институтов капитализма. Например, утверждается существование в Осаке уже в конце XVII века развитой кредитной системы, практики фьючерсных сделок с продовольствием и аналогичной телеграфу системы экстренного междугороднего оповещения о биржевой конъюнктуре (р. 103-107). Цитируемые «российские» источники явно в меньшей степени озабочены поиском конкретных доказательств принадлежности России к Западному миру. Япония вопреки географии оказывается «западнее», чем Россия.

Из первой части можно составить представление о следующем сходстве между тремя мегаполисами. Если экономика городов в начале перехода была в основном ориентирована на национальный рынок товаров массового потребления, прежде всего, продовольствия и тканей, то к его концу, согласно тезису автора, мегаполисы стали связующими звеньями между национальным и глобальным уровнями экономики (р. 5). Иначе говоря, обслуживание элиты элитными товарами не обеспечивает экономического и социально-политического лидерства, особенно во времена смены элит. Отсюда недалеко до формулы: для поднятия благосостояния народа через производство товаров группы «Б» необходима частая смена элит; для возвращения и пестования промышленности, не связанной с рынком массовых товаров, требуется стабильность. Во всех трех мегаполисах автор находит инновационный культурный климат: этно-культурную мозаичность в Чикаго, в Москве «гремучую смесь», а в Осаке интегрированность традиции и новаторства. Здесь важна актуализация тех сегментов «культурного капитала», которые облегчали инновационную деятельность (продуктивную девиацию).

В Чикаго, Москве и Осаке автор находил юридически запутанное, политически разобщенное, децентрализованное, многоуровневое городское управление, сложную и раздробленную систему налоговых поступлений. В *этих городах* не муниципальная политика возносила «победителей», а экономическая реконструкция и технологическое развитие (р. 173). Поэтому наряду с политическими фигурами (мэрами) важную роль в истории городов играют капитаны индустрии.

Особый интерес представляют случаи неполного сравнения, расширяющие признаковое пространство для осмысления проблемы. Так, невиданный рост населения во всех трех мегаполисах почти одновременно поставил проблемы скученности населения и, в современной терминологии, качества жилья. Почти одновременно начался сбор социальных или статистических данных (как они назывались, в данном случае, роли не играет). В Чикаго автор прослеживает политику пространственной сегрегации по этническому и расовому признаку, в Осаке — политику рассредоточения прибывающего рабочего населения с помощью развития городского транспорта. В Москве скоординированной политики не прослеживалось, так как за расселение рабочих отвечали предприятия, предоставлявшие «служебное жилье» без какой-либо координации. Из сопоставления у читателя могут появиться вопросы для собственных исследований или критического прочтения уже имеющихся: было ли в Москве и Осаке расселение по этническому признакам³ и нельзя ли его считать результатом сегрегационной политики? Какова была логика развития городского транспорта в Чикаго и Москве? Кто строил и предоставлял жилье для растущего населения в Чикаго и Осаке?

Вторая и третья части, составляющие основу книги, посвящены описанию шести случаев решения городских проблем, затрагивающих интересы широких слоев населения и влиятельных групп, — по одному удачному и одному неудачному на каждый город. В основу описания удачного для Чикаго случая положена диссертация «Прогрессивизм рабочего класса и политика организации городского транспорта в Чикаго, 1895–1907 гг.». Баталии о правах собственности на городской транспорт длились около полувека, однако решение, по мнению автора, созрело только после того, как были определены границы частного и публичного интересов и установлен баланс между ними (р. 133). В книге приводится информация о расстановке сил, о том, как дело кочевало по судебным инстанциям с низших уровней на верхние и обратно, что в 1901–1908 гг. чикагские избиратели 11 раз участвовали в референдумах, 10 раз голосовали за муниципальную собственность на транспорт и только последний раз высказались в

³ В Осаке имела крупная китайская диаспора, и в 1910-х годов началась трудовая миграция с Корейского полуострова.

пользу частной собственности. Этот последний раз и оказался решающим.

Прагматический плюрализм в Москве Серебряного века восторжествовал в сфере народного образования. В противовес консервативной политике имперского правительства образовалась широкая коалиция, в состав которой вошли торговцы, профессионалы, чиновники муниципального уровня, интеллектуалы, представители крупной буржуазии и даже радикалы (р. 187). В результате широкой частной инициативы в Москве появились независимые образовательные центры самого разного уровня и назначения: школы для детей и взрослых, высшие женские курсы, Народный университет А. Шанявского... В отличие от Чикаго, потребность в повышении образования широких слоев общества в Москве осознавалась независимо от социального положения и идеологических установок. Прагматический плюрализм преодолел воздействие губительной политики имперской власти. Триумф прагматического плюрализма в Осаке показан на примере политико-правового участия представителей столичной и местной власти и частного капитала в реконструкции порта и подведении к нему железной дороги.

Третья часть посвящена случаям, где прагматический плюрализм не нашел своего успешного завершения: реформа городского самоуправления в Чикаго, жилищная проблема в Москве и бедность в Осаке. Необходимость реформы городского самоуправления — общее место в политическом дискурсе Чикаго рубежа веков. Сторонники реформы образовали две группы. Первую составляли представители профессионалов и университетской интеллигенции, которые претендовали на главенствующую роль в реформировании и в своей мелкобуржуазной ученой правоте не слышали никого, кроме себя. Вторую группу составляли менее изысканные представители рабочего класса и этнических меньшинств, у которых не было причин желать сохранения *status quo* и которые были более терпимы, чем представители первой группы реформистов, к моральным нормам там, где это касалось торговли алкогольными напитками, проституции и коррупции (р. 234). Объект реформ — муниципальная власть Чикаго, — представлявший собой многоуровневую иерархию агентств с дублирующими полномочиями, избежал реформ, по меньшей мере, до 1930-х годов и заслужил от главы чикагской политологической школы Ч. Мерриама квалификацию «*scrambled government*». Плюрализм в данном случае перевесил прагматизм.

В качестве примера поражения плюрализма в Москве выбран жилищный вопрос, который, перефразируя классика, портит характер не одному поколению не только москвичей, но и «гостей столицы». Приводимая статистика свидетельствует: Москва из всех крупных европейских городов имеет худшие жилищные условия и самый низкий уровень здоровья. Даже основанный на болоте Петербург обгоня-

ет Москву по статистическим показателям. Относительная экономическая отсталость страны обуславливает катастрофическую нехватку ресурсов — государственных и частных — по сравнению с Европой и Америкой. «Бедность вообще с трудом поддается определению. Кому именно в бедной стране следует назначить социальную помощь? И, наконец, реформаторские усилия вскрыли глубокие разногласия относительно общественного значения и моральных целей социальной поддержки», — цитирует автор (р. 279). Жесточайший дефицит средств и отсутствие представлений о путях решения всеми осознаваемой проблемы не позволили улучшить условия жизни горожан. Это обстоятельство усиливало социально-классовую поляризацию, из-за которой в 1917 г. было надолго покончено с плюрализмом в России (р. 290).

Похожий сюжет строится и на японском материале. Понимание хронической бедности как следствия структурных изменений в обществе, а не моральной ущербности индивидов начало складываться в Японии с 1880-х годов усилиями журналистов, религиозных социальных реформаторов и патерналистски настроенных чиновников. «Жизнь при капитализме не обязательно лучше или хуже, но она обязательно другая», — цитирует автор (р. 293). В Японии и раньше люди в течение целых поколений жили в бедности, но с течением времени сформировались моральные нормы взаимной поддержки. Нарождающийся капитализм не сразу вырабатывал моральные механизмы, компенсирующие новую экономическую эксплуатацию (р. 293). Среди японских интеллектуалов и государственных деятелей популярностью пользовалась идея об уникальности Японии и особом пути ее капиталистического развития. В отличие от либерального Запада и по примеру Германии, особый путь предполагал сохранить моральное измерение в экономическом развитии и через активное государственное вмешательство в экономику предотвратить назревающую на Западе социальную революцию (р. 300-302). Социально мыслящие интеллектуалы, локальные социал-реформистские движения и деятельность муниципальных властей (р. 302-309) все же не смогли предотвратить социально-классовой поляризации, которая вылилась в «рисовые бунты» 1918 г. В них участвовали не только беднейшие, но и средние слои населения (р. 313). Подавление выступлений было подкреплено спешно принятыми репрессивными законами. Другим итогом явилось создание на уровне префектур специальных отделов социального обеспечения; финансирование некоторых социальных программ за период 1917–1923 гг. возросло в десятки раз (р. 314-315).

В целом знакомство с «японскими» главами и библиографией к ним оставляет впечатление, что историко-социологическое осмысление истоков японского капитализма достигло той категориальной внятности, которая возможна в результате кропотливой работы по сбору эмпирических данных и преодоления компенсаторного очарования собственной национальной уникальностью.

Специальная глава заключительной **четвертой части** книги посвящена биографиям мэров, которые в исследуемый период наиболее успешно реализовывали стратегию прагматического плюрализма, проводили «политику без гегемонии» (р. 319): Гаррисоны Старший и Младший, Николай Алексеев и Секи Хадземе. «Разные по характеру, национальной культуре, образованию и социальному статусу ... [они] успешно справлялись с практическими проблемами, управляя огромными, глубоко разобщенными и стремительно изменяющимися промышленными городами в самый пик их капиталистического развития. Они справлялись в такую эпоху, когда многим их предшественникам и последователям приходилось отступать» (р. 354-355).

Московский опыт изменения социальной организации показал, что благоприятный для развития мегаполиса климат нельзя ввести декретом — он должен складываться «естественным путем», постепенно, во взаимодействии множества индивидуальных, коллективных и институциональных акторов. Действенный прагматический плюрализм должен укореняться, с одной стороны, в местном законодательстве и в коллективной памяти горожан — с другой (р. 357). Толерантность к разнообразию — необходимая характеристика влиятельных социальных акторов.

Материальное благополучие привлекает мигрантов, и это естественно. Однако ни один стремительно развивающийся город не обходился без «притока свежей крови», обеспечивавшего возобновление «творческого потенциала», который и позволял совершать переход к новым, неведомым способам социальной организации. Многополярные политические игры в такие периоды рождают временные, интуитивно не возможные и даже абсурдные коалиции, обеспечивающие развитие и предохраняющие от стагнации (как в Чикаго — коалиции аристократов-реформаторов с этническими «политическими машинами», профсоюзов с предпринимателями и т. п.) (р. 359). Успешные местные политические лидеры (мэры) становятся в периоды перехода буфером и связующим звеном между истеблишментом и носителями наиболее деструктивных тенденций, которыми чреваты любые крупномасштабные перемены (р. 361).

Автор отмечает ряд факторов, обусловивших неудачу перехода Москвы рассматриваемого периода к новой социальной организации. В городе не сложился многочисленный средний класс, независимый от власти. Промышленники и торговцы остались во многом традиционалистами в бизнесе, консерваторами в политике и националистами в культуре. Рабочий класс не стал полностью городским и сохранял устойчивые экономические и культурные (в образе жизни) связи с деревней. Даже на протяжении XX века Москва не утрачивала многих черт традиционализма (р. 363-364), тогда как для Чикаго и Осаки индустриализм, основанный на дешевой рабочей силе, остался далеко в прошлом (р. 370). Безусловно, со счетов нельзя сбрасывать

то обстоятельство, что имперская власть изо всех сил пыталась сохранить позицию великой державы в европейской политике, не меняя властных отношений внутри страны (р. 365-366).

Москва остается экономическим гигантом на огромных просторах Центральной Евразии, не испытывая особой конкуренции. Даже после распада СССР она осталась мегаполисом с имперскими амбициями, не утратила, в отличие от Чикаго и Осаки, безусловного лидерства в стране и сейчас стремится занять свое место на вершине глобальной иерархии городов. Однако автор считает, что оптимистический образ будущего обновляющейся Москвы опять-таки, в отличие от Чикаго и Осаки, следует искать в ее историческом прошлом (р. 371).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гиндин И.Ф.* Русские коммерческие банки: Из истории финансового капитала в России. М.: Госфиниздат, 1948.
2. *Barker T.; Porter R.; Polanyi K.* The Great Transformation. New York: Farrar and Rinehart, 1944.
3. *Polanyi K.* The Great Transformation. New York: Farrar and Rinehart, 1944. P. 30.

О.А. Оберемко,
кандидат социологических наук